

Квант М.

Мозаика третьего дня

Квант М.

Мозаика третьего дня

«Автор»

2026

М. К.

Мозаика третьего дня / К. М. — «Автор», 2026

Время на Земле дало трещину. Секунды растягиваются в годы, а сутки пролетают как мгновения. Хроно-водолаз Артём проникает в «линзы замедления», чтобы спасти застрявших людей. Но внутри одной из аномалий он находит целую цивилизацию, живущую по законам вечности. Когда власти решают уничтожить это убежище, Артём и сын лидера колонистов меняются телами, чтобы построить мост между мирами быстрого и медленного времени. История о жертвенности, выборе и любви, способной преодолеть пропасть между мгновением и бесконечностью.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Тишина после секунды	5
Глава 2: Трещина	13
Глава 3: Спящий город	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Квант М.

Мозаика третьего дня

Глава 1: Тишина после секунды

Дождь застыл в воздухе. Это было первое, что увидел Артём, когда защитное поле шлюза схлопнулось за спиной, отсекая привычный гул генераторов базы. Капли висели плотной стеной, похожие на рой стеклянных пчёл, остановленных в полёте невидимой рукой. Свет налобного фонаря пронзал эту взвесь, преломляясь в мириадах крошечных линз, и тени от ботинок Артёма ломались, уходя в серую, неподвижную глубину.

Он задержал дыхание — не по уставу, а по старой, въевшейся под кожу привычке. Воздух в «линзе» был плотным, вязким, как остывающий кисель. Каждый вдох требовал усилия. Хроно-скафандр, облегающий тело подобно второй коже, едва слышно гудел, компенсируя давление темпорального поля. На визоре шлема бежали строки данных: градиент замедления — тысяча к одному, стабильность поля — девяносто семь процентов, прогноз коллапса — отсутствует.

Тысяча к одному. За минуту здесь, снаружи, проходило почти семнадцать часов.

Артём сделал шаг. Подошва ботинка с хлопанием опустилась в мокрый асфальт. Звук получился странным, растянутым, будто иглу проигрывателя вели по заезженной пластинке. Он привык к этому звуку. За двадцать три реальных года работы хроно-водолазом Службы Темпоральной Безопасности он слышал его чаще, чем голос собственной жены. Особенно в последние два года. Особенно после того, как мир сошёл с ума.

Он двинулся вглубь Аномалии Четырнадцать-Бис. Когда-то это был проспект Мира — одна из центральных улиц города, застывшего теперь в янтаре искажённого времени. Вывеска аптеки тускло мерцала сквозь пелену дождя-тумана. Артём помнил, как выглядели эти улицы до «Третьего Дня» — так официально называли начало Хроноколлапса, хотя в народе прижилось более ёмкое «Время Чумы». Поток машин, спешащие прохожие, музыка из открытых дверей кафе. Теперь здесь царила тишина, глубокая, как на дне океана.

Скафандр зафиксировал движение. Не механическое, не тепловое. Темпоральное. Где-то впереди, в двухстах метрах, пульсировал сгусток иного времени. Это не было похоже на равномерное гудение линзы. Это было резкое, хаотичное биение, похожее на сердечную аритмию.

— База, я — Лоцман, — тихо произнёс он. Голос в шлеме звучал глухо, почти незнакомо. — Наблюдаю темпоральную аномалию типа «мерцание». Источник живой.

Динамик ответил не сразу. Прошло две секунды. Для Артёма это были доли мгновения, но он знал: там, в реальном времени, на пункте управления прошло не меньше десяти минут. Связь с «линзами» всегда была асинхронной. Каждое слово, вырвавшееся из замедления, натывалось на барьер вязкого времени и долго, мучительно долго пробивалось к адресату.

— Лоцман, на связи База, — голос диспетчера, Ксении, был напряжённым, но сдержанным. — Сигнал идентифицирован. В районе аптеки «Вита», если верить старым картам, зарегистрирован один гражданский. Данные медицинского браслета обрываются двое суток назад по нашему времени.

— Принял, — Артём двинулся дальше.

Двое суток. В линзе с градиентом тысяча к одному это... больше пяти лет. Если человек ещё жив, он провёл в этом дождливом аду пять лет, не имея возможности пошевелиться, в полной изоляции от мира. Синдром «хроно-одиночества» был одной из самых страшных профессиональных болезней водолазов, но для гражданских он был смертелен психологически.

Люди сходили с ума за первые же месяцы воспринимаемого времени, даже если их тела, защищённые коконом искажённого поля, почти не старели.

Артём ускорил шаг, насколько позволяла вязкая среда. Пять лет. Если повезёт, он найдёт овощ. Если не повезёт — агрессивного безумца, возомнившего себя богом этого крошечного мирка. Такое случалось.

Он вспомнил женщину, которую доставал из линзы в прошлом месяце. Она провела в застывшем вагоне метро три воспринимаемых года. Когда Артём пробился к ней, она сидела в позе лотоса в окружении примитивных рисунков на стенах. Она создала себе целую религию, поклоняясь «Великой Неподвижности». Эвакуация прошла тяжело. Она кричала, что он — дьявол, пытающийся вернуть её в ад движения.

Движение. Вот что было самым страшным для них. Для всех, кто застрял внутри. Внешний мир казался им бешеным хороводом вспышек, где за одну секунду пролетает жизнь. Артём этого не понимал. Он родился и вырос в мире «реального времени». Мире, который теперь тоже дал трещину.

Аптека «Вита» выступила из серой мглы. Стекланные двери были распахнуты, и внутри горел свет. Это было странно. Электричество в линзах обычно не работало — слишком велики были искажения электромагнитных полей. Но свет горел ровным, желтоватым, почти уютным светом. Скафандр показывал, что источником является не электричество, а какой-то биохимический процесс. Слабое, но стабильное свечение.

Артём шагнул внутрь. И замер.

Пространство аптеки изменилось. Оно не было похоже на торговый зал. Стеллажи с лекарствами были сдвинуты к стенам, образуя нечто вроде баррикад. На полу, прямо на кафельной плитке, лежали циновки, сплетённые из каких-то волокон. На стенах висели рисунки углём — примитивные, но выразительные. Люди, стоящие в кругу. Спирали. Много спиралей. В центре зала горел небольшой костёр. Не огонь, нет — дыма не было. Просто ступок света, пульсирующий, словно живое сердце. От него исходило тепло, которое чувствовалось даже сквозь защиту скафандра.

И у этого костра сидел человек.

Мужчина, на вид лет сорока, с длинной спутанной бородой и волосами, собранными в хвост. Одет он был в какое-то подобие одежды, сшитой из грубой ткани — не то из мешковины, не то из упаковочного материала. Он смотрел прямо на Артёма. В его глазах не было ужаса. Не было безумия. Там было спокойствие. Глубокое, как у пророка, повидавшего откровение.

— Ты пришёл, — сказал человек. Голос его был хриплым, но слова он выговаривал чётко. По-русски. — Я ждал тебя.

Артём медленно поднял руки, показывая пустые ладони. Устав предписывал начинать контакт мирно.

— Я — хроно-водолаз Службы Темпоральной Безопасности, — произнёс он. — Мой позывной — Лоцман. Я здесь, чтобы эвакуировать вас. Вы находитесь в зоне темпоральной аномалии. Ваше субъективное время значительно расходится с объективным.

Мужчина улыбнулся. Улыбка была мягкой, почти сочувствующей.

— Субъективное... объективное... — он медленно покачал головой. — Ты всё ещё мыслишь этими категориями. Ты — дитя Хаоса. Дитя Мира-Вспышки.

Артём подавил вздох. Похоже, синдром налицо. Религиозная мания, классический случай.

— Мне нужно узнать ваше имя, — сказал он ровным голосом. — Вы — Сергей Комаров, проживающий по адресу проспект Мира, дом четырнадцать?

Мужчина нахмурился, будто вспоминая что-то давно забытое.

— Сергей... — произнёс он, пробуя слово на вкус. — Да. Меня так звали. Когда я был мёртв.

— Сейчас вы живы, и вам нужна помощь.

— Жив? — мужчина усмехнулся. — Я был мёртв там, в Мире-Вспышке. Я родился здесь. Я прожил здесь семь лет. Семь долгих, полных, прекрасных лет. Я научился слышать тишину. Я научился видеть, как растёт трава между камнями. Вот, посмотри!

Он взмахнул рукой, и Артём заметил, что в углу, за баррикадой из коробок с бинтами, действительно пробивалась трава. Настоящая зелёная трава, растущая прямо из бетонного пола.

— Это невозможно, — вырвалось у Артёма.

— Для тебя — да, — кивнул Сергей. — Ты пришёл из мира, где нет времени ждать. Ты не можешь ждать. Ты — раб секундной стрелки. А мы здесь — свободны. Мы научились возделывать сад нашего Времени.

— Мы? — переспросил Артём.

— Мы, — подтвердил голос сзади.

Артём резко обернулся. Из-за баррикады бесшумно, словно тени, вышли люди. Пятеро, нет, семеро. Мужчины и женщины. Все одеты в такие же грубые одежды, у всех — спокойные, просветлённые лица. Они смотрели на Артёма без враждебности, но и без подобострастия. Как на любопытный экспонат.

Скафандр запищал. Он фиксировал семь, десять, пятнадцать сигналов темпоральной активности. Все они принадлежали живым людям, но их сигналы были странными, смазанными. Они как будто бы находились немного «не в фазе» с основной линзой.

— Но данные показывали только одного пропавшего, — пробормотал Артём.

— Данные, — Сергей усмехнулся, поднимаясь. Ростом он был высок, и в осанке появилось достоинство вождя. — Данные с твоей Базы. Они видят только застывших. Тех, кто испугался и умер духом. А мы — мы не застыли. Мы адаптировались. Мы синхронизировали свои ритмы с Великим Замедлением.

— Сколько вас здесь?

— В этой обители — тридцать семь. Но всего нас больше. Мы строим Город. Наш Иерихон. Иерихон Третьего Дня.

У Артёма пересохло во рту. Тридцать семь человек. В линзе, о которой Служба знала только как об аномалии с одним пострадавшим. Целая колония, скрытая за пеленой времени. Это было ЧП высшего уровня. Это было нарушение всех протоколов.

— Мне нужно связаться с Базой, — сказал он.

— Связывайся, — Сергей развёл руками. — Ты гость. Но прежде чем ты уйдёшь, подумай. Ты хочешь вернуть нас в ад? В мир, где время — это яд, где каждое мгновение отравлено гонкой? Где ваши собственные дни рвутся на части, как гнилая ткань?

Артём не ответил. Он вышел на связь.

— База, Лоцман. Код «Тишина». Обнаружена колония выживших. Минимум тридцать семь человек. Признаки социума. Требуется консультация. Жду указаний.

Последовало долгое молчание. Очень долгое. Артём представил, как там, в штабе, сейчас поднимается паника, как вызывают начальника смены, как Ксения нервно кусает губы. Наконец динамик ожил.

— Лоцман, База. Сообщение принято. Вам надлежит немедленно начать эвакуацию. Последовательно, по одному. Сохраняйте спокойствие. В случае сопротивления разрешено применение умиротворяющих средств.

Артём перевёл взгляд на собравшихся людей. Умиротворяющие средства. Парализаторы. Против тридцати семи убеждённых фанатиков, которые считают его исчадием ада.

— Сергей, — произнёс он, отключив внешний динамик, чтобы они не слышали его переговоров с Базой. — Вы должны понять. Это место — аномалия. Оно нестабильно. Линза может схлопнуться в любой момент. Тогда вы все погибнете.

— Мы не умрём, — спокойно ответил Сергей. — Мы перейдём на следующий уровень Замедления. Мы научились управлять этим.

Артём смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается холодная, липкая волна профессионального страха. Это не просто группа выживших с синдромом одиночества. Это нечто новое. Они не боятся. Они не хотят уходить. И, кажется, они действительно научились здесь жить по каким-то своим, непостижимым законам физики.

— Вы не понимаете, — сказал Артём. — Там, снаружи, тоже есть жизнь. У вас остались семьи.

Сергей покачал головой.

— Моя жена умерла за те две секунды, что я здесь прожил. Я видел, как её браслет перестал подавать сигнал. Для меня это было... сорок лет назад. У меня здесь другая семья. Вот, — он указал на молодую женщину, стоявшую чуть позади. — Это моя жена. А там, — он махнул в сторону двери, ведущей в подсобку, — мои дети.

— Дети? — Артём почувствовал, как земля уходит из-под ног. — Вы размножаетесь в линзе?

— Это наше право. Наше благословение. Дети Третьего Дня. Они не знают вашего мира. Им он не нужен.

Протокол «Тишина» дополнялся протоколом «Шторм». Артём знал это. Если гражданские отказываются от эвакуации и представляют угрозу стабильности аномалии, принимается решение о принудительном извлечении. Но дети... Это всё меняло.

Он снова вышел на связь, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— База, Лоцман. Уточнение. Среди колонистов есть несовершеннолетние. Рождённые внутри линзы. Запрашиваю изменение тактики.

Ответ пришёл быстрее, чем он ожидал.

— Лоцман, тактика прежняя. Эвакуация полного состава. Начальник Службы лично подтвердил приказ.

Артём закрыл глаза. Вот оно. Момент, которого он всегда боялся.

— Хорошо, — сказал он в микрофон и переключился на внешнюю связь. — Сергей, послушайте. Я не могу уйти один. Таков закон. Я предлагаю вам добровольно пройти со мной на пункт временной синхронизации. Там вам окажут помощь. Адаптируют к реальному течению времени. Это безопасно.

— Безопасно? — женщина, которую Сергей назвал женой, усмехнулась. — Я была эвакуирована из линзы пять лет назад по вашему времени. Я пробыла там всего три недели. Этого хватило, чтобы сойти с ума от вашей гонки. Я сбежала. Я сама вошла в другую аномалию, чтобы снова замедлиться. Ваш мир — пытка. Вы — мучители.

— Мне жаль, что вы так думаете.

— Нам не нужна твоя жалость, — Сергей шагнул вперёд. — Уходи, хроно-водолаз. Возвращайся в свой Бешеный Мир. Передай своим начальникам, что Иерихон Третьего Дня объявил суверенитет. Мы — государство во Времени. И мы будем защищать свои границы.

Он взмахнул рукой.

И мир вокруг Артёма сошёл с ума.

Темпоральное поле вокруг колонистов резко изменилось. Скафандр взвыл сигналом тревоги. Градиент скакнул до десяти тысяч к одному, и воздух вокруг людей Сергея стал густым, как камень. Артём попытался сделать шаг и понял, что не может. Его нога застряла в мгновении. Защитное поле скафандра сработало, создавая кокон собственного времени, но этого было недостаточно. Колонисты управляли аномалией. Они использовали её как оружие.

Движения Сергея стали медленными, но плавными, как у пловца в воде. Он шёл к Артёму, и в руке его блеснул осколок стекла. Не примитивный нож — ритуальный кинжал.

Артём рванулся. Сервоприводы скафандра взвыли, преодолевая вязкость. Он успел перехватить руку Сергея за мгновение до удара.

— Не глупи! — прорычал он.

— Это ты не глупи! — ответил Сергей, и его лицо исказила гримаса ярости. — Ты не понимаешь, что мы нашли!

Они боролись в вязком, как смола, времени. Каждое движение отдавалось болью в суставах. Скафандр работал на пределе. Артём видел, как другие колонисты двинулись к нему, образуя круг. Их время было ещё медленнее, но они привыкли к этому. Они родились и выросли в этой вязкости. Они были сильны, как муравьи, тянущие груз в тысячу раз тяжелее себя.

Артём нажал кнопку экстренного выброса. Из наплечников скафандра вырвались струи быстродействующего седативного аэрозоля. В линзе он работал не как газ, а как медленно расплывающееся облако микроскопических капель. Но этого хватило. Женщина, стоявшая ближе всех, пошатнулась и начала оседать. Движения остальных замедлились ещё сильнее — препарат нарушал их способность концентрироваться на управлении временем.

Артём вырвался из хватки Сергея. Рывок, ещё рывок. Он как будто бежал сквозь бетон. Легкие горели. До выхода из аптеки оставалось метров десять, но сейчас это расстояние казалось бесконечностью.

— Ты вернёшься, — услышал он голос Сергея за спиной. — Ты вернёшься со своей армией. Но мы будем готовы. Мы уйдём глубже. В такую глубину, куда вам не добраться. Мы станем Временем.

Артём вывалился из дверей аптеки. Дождь всё так же висел в воздухе, но теперь капли казались ему не стеклянными пчёлами, а ледяными иглами. Он бежал к шлюзу, не оглядываясь. Протокол «Шторм» в действии. Первый контакт установлен. Колония враждебна. Служба будет вынуждена принимать меры.

Но хуже всего были не угрозы Сергея. Хуже всего было то, что, глядя на этих людей, на их лица, на их спокойствие и уверенность, Артём впервые за долгие годы задал себе вопрос, который боялся произнести даже шёпотом.

А что, если они правы? Что, если реальный мир, его мир, с его ускоряющимися днями, с его скачущим временем, с его Хроноколлапсом, который никак не могут остановить — что, если это и есть болезнь? А эти люди, застрывшие в линзах, нашли лекарство?

Он тряхнул головой, отгоняя крамольную мысль. Он — водолаз. Он спасает людей. Это его работа. А всё остальное — от лукавого, от усталости, от бесконечных циклов погружений в это серое безмолвие.

Шлюз всосал его с противным чавкающим звуком. Защитное поле вспыхнуло, отсекая вязкость линзы. Время потекло быстрее. Скафандр засвистел, срабатывая давление.

Когда внешняя дверь открылась, и Артём шагнул в ярко освещённый коридор Базы, он увидел Ксению. Она стояла, прижав руку к наушнику, и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ты как? — спросила она.

— Нормально, — он отстегнул шлем. Воздух Базы показался ему жидким, невесомым. Всё вокруг двигалось слишком быстро. Люди шли чересчур резво, лампы мигали с бешеной частотой. Обычное дело после погружения в линзу с высоким градиентом. Нужно время на адаптацию.

— Что там? — спросила Ксения.

— Там люди, — ответил Артём, снимая перчатки. — Много людей. У них своё общество. Дети.

— Дети?!

— Да. И они не считают себя заложниками. Они считают себя свободными. А нас — сумасшедшими, — он помолчал. — И знаешь, Ксюш, глядя на то, что творится снаружи, я уже не уверен, кто из нас прав.

Ксения ничего не ответила. Она только перевела взгляд на монитор, где пульсировал сигнал Аномалии Четырнадцать-Бис. И Артёму показалось, что в этом ритмичном биении он слышит далёкий стук сердца. Сердца мира, который родился прямо сейчас, в тишине, между секундами.

Он стянул скафандр и прошёл в душевую. Горячая вода хлестала по плечам, смывая липкую испарину и остатки вязкого воздуха линзы. Мысли путались. Перед глазами стояли лица Сергея и его жены. И их детей. Он представил, как эти дети, рождённые под знаком Вечности, будут смотреть на людей извне. Как на варваров, врывающихся в их храм.

Артём выключил воду и прислонился лбом к прохладной кафельной стене.

Где-то там, за тысячи километров отсюда, в другой линзе, пропала его жена. Два года назад. Она просто не вернулась из магазина. Секунда — и её машина застыла на перекрёстке, а сама она исчезла в кармане времени. Тело так и не нашли. Он искал её во всех аномалиях, куда его посылали, но тщетно.

А ещё у него была дочь. Алиса. Четырнадцать лет. Она ждала его дома. Ждала своего отца, героя-водолаза, спасающего людей из бездны времени.

Что он ей скажет сегодня? Что существуют люди, которым лучше там, чем с нами?

Он вытерся полотенцем, оделся в чистую форму и подошёл к терминалу. Нужно было писать рапорт. Начальник Службы, полковник Дронов, будет рвать и метать. Колония внутри линзы — это не просто спасение одиночек. Это политический кризис. Это угроза всей концепции «возвращения к норме».

Артём сел за стол и уставился на мигающий курсор.

«Рапорт о погружении в Аномалию Четырнадцать-Бис...»

Пальцы зависли над клавиатурой. Он не знал, что писать. Как описать то, что он увидел? Как донести до сухих, как осенние листья, чиновников, что в сердце застывшего города бьётся жизнь? Что люди там не выживают, а живут. Молятся своему странному богу Времени и растят детей, которые никогда не видели солнца за пределами линзы.

Он подумал об Алисе. Она родилась до Коллапса, но всё её детство прошло на фоне новостей о «Времени Чуме». Она не знала другого мира. Мира, где часы шли ровно. Где минута была минутой, а не растянутой резинкой. Для неё реальность тоже была безумной, просто в другую сторону.

Артём провёл рукой по лицу. Усталость накатывала свинцовой волной.

Он всё-таки начал печатать. Сухие факты. Обнаружена группа лиц. Предположительно тридцать семь. Агрессия. Применение спецсредств. Рекомендация: силовая операция.

Нет. Это последнее слово он стёр.

«Рекомендация: установление контакта через переговорщика».

Он знал, что Дронов разозлится. Знал, что его обвинят в мягкотелости. Но он не мог иначе. Он был водолазом, а не карателем. Его учили спасать, а не разрушать эти странные, жуткие, но по-своему прекрасные миры, рождённые катастрофой.

Закончив рапорт, он отправил его и встал. Пора домой. Алиса, наверное, уже спит. Или делает вид, что спит. В последнее время они почти не разговаривали. Она замкнулась в себе, и Артём чувствовал, что теряет её. Теряет так же, как когда-то потерял жену, — незаметно, секунду за секундой.

Он вышел из Базы. Город встретил его шумом и яркими огнями. Огни дрожали. Это было незаметно обычному глазу, но Артём видел. Частота мерцания была неравномерной. Время в городе тоже начало «плыть». Пока ещё в пределах миллисекунд, но прогрессия нарастала.

Если Хроноколлaпс не остановят, через пару лет их мир станет похож на одну большую линзу. Только с одним отличием — она схлопнется, уничтожив всё.

Он сел в машину и поехал по ночным улицам. Город спал, но его сон был тревожным. Слишком много машин скорой помощи. Слишком много окон без света. Люди боялись. Боялись, что завтрашний день наступит слишком быстро или не наступит вовсе.

Через двадцать минут он был дома. Квартира встретила его тишиной. Он прошёл на кухню, зажёл свет. На столе стояла тарелка, накрытая полотенцем. Котлеты с гречкой. Алиса приготовила. В горле встал ком. Он сел и начал есть. Холодную еду. Без вкуса. Потому что так надо.

За стеной скрипнула кровать. Она не спала.

— Пап? — тихий голос.

— Я здесь, зайчонок. Всё нормально.

— Ты опять был там?

— Да.

— Там страшно?

Артём задумался. Он посмотрел на свои руки. Они всё ещё чуть подрагивали после борьбы в вязком времени.

— Не знаю, — честно ответил он. — Иногда мне кажется, что там спокойнее, чем здесь.

Дверь в комнату Алисы приоткрылась. Она стояла на пороге, тоненькая, в пижаме со светящимися звёздами. Звёзды давно погасли, но ткань помнила их контуры.

— А мама? Ты нашёл её?

— Нет, — он покачал головой. — Но я ищу.

Алиса помолчала, кусая губу.

— Я иногда думаю, — сказала она, глядя куда-то в угол, — что ей там лучше. Там, в её секунде. Может, она прожила там целую жизнь и была счастлива.

У Артёма похолодело сердце. Её слова были странным, почти мистическим эхом его собственных мыслей там, в аптеке. Он не хотел, чтобы дочь думала так же.

— Не говори так, — сказал он резче, чем хотел. — Мы вернём маму. И всех остальных. Мы всё починим.

— А если не надо чинить? — тихо спросила она. — Может, это мир сломался, а не они?

Она закрыла дверь, не дожидаясь ответа.

Артём остался сидеть в тишине, глядя на остывшие котлеты. Слова дочери звенели в ушах. В этот момент он понял, что битва за людей внутри линз — это не просто его работа. Это битва за души. За души тех, кто остался снаружи.

Где-то вдаль взвыла сирена. Ещё одна аномалия. Ещё один разрыв в ткани реальности. Хроноколлaпс не сдавался. Он расплзался, как метастазы, пожирая минуты, часы, года. И где-то в самом сердце этого хаоса, в тишине своего Иерихона, люди Сергея плели свой кокон Вечности.

Артём встал, вымыл тарелку и лёг на диван. Спать не хотелось. Он смотрел в потолок, и перед его глазами снова и снова вставала картина: застывший дождь, пульсирующий свет в аптеке и лицо Сергея, искажённое праведным гневом.

«Ты — дитя Хаоса».

Кто же тогда он сам? Спаситель? Или палач, обрекающий людей на возвращение в ад?

Ответа не было. Была только бесконечная, глубокая, как сама вечность, тишина. Тишина после секунды, в которой рождался новый мир.

Он закрыл глаза.

Завтра будет новый день. Новая линза. Новый бой. Но где-то внутри себя он знал: эта встреча в аптеке была только началом. Аномалия Четырнадцать-Бис не отпустит его так просто. И Иерихон Третьего Дня ещё напомним о себе. Громко. Очень громко.

Когда он засыпал, ему показалось, что время в комнате снова замедлилось, и тиканье настенных часов превратилось в тягучую мелодию без начала и конца. Но это был всего лишь сон. Пока всего лишь сон.

Глава 2: Трещина

Сигнал тревоги разорвал предрассветную тишину базы. Артём, дремавший в кресле дежурного, открыл глаза раньше, чем мозг успел обработать звук. Тело водолаза, годами приученное реагировать на малейшие колебания темпоральных полей, среагировало само. Рука метнулась к пульту, отключая вой сирены, а взгляд уже скользил по вспыхнувшим алым экранам.

Аномалия Четырнадцать-Бис пульсировала.

Это не было похоже на обычную активность. За двадцать лет наблюдений Служба Темпоральной Безопасности составила подробную классификацию всех типов «поведения» линз. Мерцание, расширение, сжатие, миграция — всё было внесено в учебники. Но то, что показывали датчики сейчас, не соответствовало ни одному пункту. Линза дышала. Она ритмично выбрасывала волны искажённого времени, и каждая волна была мощнее предыдущей. Это напоминало схватки.

— Ксения, — позвал Артём. Голос прозвучал хрипло, и он откашлялся, растирая ладонями лицо. — Ксения, ты видишь это?

Девушка уже стояла за его спиной с дымящейся кружкой кофе в руке. Когда она успела встать и подойти, Артём не заметил. Время снова играло с ними злые шутки. После возвращения из линзы Сергея прошло шесть часов субъективного времени Артёма, но он готов был поклясться, что минуло не больше получаса. Хроноколлапс, проникший во внешний мир, разъедал само восприятие реальности.

— Вижу, — ответила Ксения, не отрывая взгляда от экранов. — Эпицентр — на сорок метров глубже, чем вчера. Они уходят вниз. В подземные коммуникации.

— Не уходят, — поправил Артём, увеличивая масштаб карты. — Строят. Смотри, характер пульсации слишком ровный. Слишком организованный. Они не бегут, они расширяют свой город. Иерихон.

Ксения нервно отпила кофе и сморщилась — напиток был обжигающе горячим, но она, казалось, не замечала боли.

— Дронов уже в курсе. Ждёт тебя в кабинете. Срочно.

— Рановато для разноса, — пробормотал Артём, поднимаясь из кресла. Мышцы ныли после вчерашнего погружения, а в левом плече пульсировала тупая боль — память о борьбе с Сергеем в вязком воздухе «Виты».

— Это не разнос, — Ксения впервые оторвала взгляд от мониторов и посмотрела на него. В её серых глазах плескалась тревога. — Полковник получил директиву из Центра. Высший приоритет. Артём, они хотят закрыть линзу. Полностью.

Коридоры базы встретили Артёма привычным гулом генераторов. Сквозь толстые стены убежища, построенного ещё до Коллапса как противоатомный бункер, а затем переоборудованного под Центр Темпорального Контроля, пробивалась мелкая, почти незаметная дрожь. Так вибрировало само время, проходя сквозь силовые фильтры защитного контура. Те, кто работал на базе больше года, переставали замечать эту дрожь, как перестают замечать тиканье часов. Но Артём чувствовал её всегда. Каждая клетка его тела, прошедшего через десятки погружений, резонировала с ритмами аномалий.

Кабинет полковника Дронова находился в самом сердце базы, за тремя уровнями биометрической защиты. Массивная стальная дверь, способная выдержать прямое попадание темпоральной волны класса «цунами», была приоткрыта. Артём шагнул внутрь и замер на пороге.

Полковник был не один.

В кресле для посетителей сидел человек в штатском. С первого взгляда Артём определил — не военный. Слишком мягкие, рассеянные движения, слишком задумчивый, отсутствующий

щий взгляд. Гость был одет в дорогой, но изрядно помятый костюм, а в петлице его пиджака поблёскивал значок — три серебряные спирали, переходящие одна в другую. Символ Института Хронологических Исследований. Тех самых учёных, которые предсказали Коллапс за три года до его начала и которым никто не поверил.

— Разрешите войти, товарищ полковник? — формально спросил Артём, хотя уже стоял внутри.

— Входи, Лоцман, входи, — Дронов, грузный мужчина с седым ёжиком волос и усталыми глазами, махнул рукой. — Знакомься. Доктор Левин, физик-хронолог. Прибыл к нам прямо из Центра. У него к тебе разговор.

Доктор Левин поднялся с кресла и шагнул к Артёму, протягивая руку. Рукопожатие у него было вялым, невесомым, словно он боялся причинить боль. Вблизи Артём разглядел, что учёному на вид было лет пятьдесят, но глубокая сетка морщин вокруг глаз и залысины на высоком лбу добавляли ему ещё десяток. Он напоминал профессора, которого только что выдернули из лаборатории, не дав времени причесаться.

— Рад познакомиться, — голос у доктора оказался неожиданно низким, басовитым. — Я изучал ваши рапорты, Артём Викторович. Все погружения за последние два года. Вы — уникальный специалист.

— Спасибо, — Артём осторожно высвободил руку. — Но, судя по вашему присутствию здесь в такую рань, речь не о комплиментах.

— Верно, — Левин вздохнул, поправил очки в тонкой золотой оправе и обернулся к Дронову. — Полковник, позвольте мне начать? Это сэкономит время.

Дронов кивнул, опускаясь в своё кресло. Он выглядел плохо — даже хуже, чем обычно. Под глазами залегли тени, а на столе перед ним стояла початая бутылка содовой и несколько пузырьков с лекарствами. Артём знал, что у полковника проблемы с сердцем, обострившиеся после того, как его сын попал в линзу в первые дни Коллапса и был эвакуирован с необратимыми повреждениями темпоральной коры мозга. Сейчас парень жил в специализированном пансионате, не узнавая отца.

Доктор Левин подошёл к настенному экрану, коснулся сенсора. На тёмной панели вспыхнула сложная диаграмма — трёхмерная модель аномалии Четырнадцать-Бис, снятая вчера, сразу после ухода Артёма.

— Вот, полюбуйтесь, — Левин провёл пальцем по пульсирующему центру. — Это не просто линза. Это полноценная темпоральная воронка с признаками самоорганизации. Люди внутри, сами того не понимая, создали нечто вроде биологического реактора, работающего на энергии искривлённого времени. Они не просто живут в замедлении — они им управляют.

— Я это уже понял, — Артём поморщился, потирая плечо. — На собственной шкуре.

— Нет, вы поняли не всё, — Левин покачал головой. — Вы видели верхушку айсберга. Тех, кто стоит с ножами. Но внутри линзы есть и другие. Дети, о которых вы сообщили. Они — ключ. Понимаете? Люди, рождённые в условиях темпоральной аномалии, обладают совершенно иной физиологией. Их биологические часы синхронизированы с ритмом линзы. Они воспринимают время иначе на фундаментальном уровне.

— К чему вы клоните? — Артём начинал терять терпение.

— К тому, — доктор снял очки и начал протирать их платком, — что Хроноколлапс прогрессирует. Внешний мир, наш с вами мир, разрушается. Каждый день частота аномалий увеличивается на полтора процента. Если так пойдёт дальше, через три-четыре года вся планета превратится в одну гигантскую линзу. И она схлопнется. Это будет конец.

— Я знаю, — глухо произнёс Артём. — Нам это твердят на каждом инструктаже.

— Но вы не знаете решения, — Левин надел очки и остро глянул на него. — А я его нашёл. Точнее, мы нашли. Группа учёных в моём Институте. Единственный способ остано-

вить Коллапс — это ликвидировать источник дисбаланса. Первичную аномалию. «Нулевой разрыв», из которого всё началось.

— Это теоретически возможно? — Артём перевёл взгляд на Дронова. Полковник молчал, барабанил пальцами по столу.

— Теоретически — да, — кивнул Левин. — Но есть нюанс. Чтобы закрыть первичную аномалию, нужен ключ. Генератор стабильного темпорального поля, который сможет наложиться на разрыв и «сшить» его. Мы не можем создать такой генератор искусственно. Все наши попытки провалились. Но мы можем взять его у тех, кто уже управляет временем.

— Вы хотите использовать детей? — Артём шагнул вперёд, сжимая кулаки. — Выживших из линзы? Как какой-то биологический материал?

— Я хочу их спасти, — жёстко произнёс Левин, и его мягкое профессорское лицо внезапно затвердело, прорезалось резкими складками. — Всех, включая тех, кто живёт в Иерихоне. Если мы закроем первичную аномалию, все вторичные линзы начнут схлопываться. Но не мгновенно, а постепенно, давая возможность эвакуировать людей. Однако для этого нужен ключ. Живой ключ. Ребёнок, рождённый внутри линзы, чей организм является естественным темпоральным стабилизатором. Вы понимаете, о чём я?

Артём молчал. В висках стучало. Он понимал. Слишком хорошо понимал.

— Вы хотите, чтобы я пошёл туда и выкрал одного из детей Сергея? — медленно проговорил он. — Чтобы использовать его как... инструмент?

— Я хочу, чтобы вы провели эвакуацию, — поправил Левин. — Спасли всех, кого сможете. Но в первую очередь — одного из детей. Того, кто родился в самом сердце линзы. Только он способен генерировать поле нужной частоты. Без него мы бессильны.

— Товарищ полковник, — Артём повернулся к Дронову. — Вы поддерживаете этот... план?

Дронов тяжело поднял голову. В его глазах, обычно холодных и властных, сейчас стояла мука.

— Артём, — сказал он тихо, почти шёпотом, — я потерял сына из-за этих проклятых линз. Я каждый день вижу, как мир разваливается на куски. Если есть шанс остановить это — пусть даже самый малый — я обязан его использовать. Приказ из Центра уже подписан. Операция «Шторм» переходит в активную фазу. Ты — ведущий водолаз. Тебе и выполнять.

— А если они не захотят отдавать детей? — Артём уже знал ответ, но должен был спросить.

— Тогда применяй силу, — Дронов произнёс это ровно, без эмоций. — В рамках протокола.

— Протокол «Шторм» разрешает применение парализаторов и усыпляющего газа, — вмешался Левин. — Никакого летального оружия. Дети не должны пострадать. Они слишком ценны.

— Ценны, — горько повторил Артём. — Вы говорите о них, как о подопытных крысах.

— Я говорю о них как о единственной надежде человечества! — Левин повысил голос, но тут же осёкся, взял себя в руки. — Поймите, Артём Викторович. Я не чудовище. Я учёный. Я вижу цифры. Если мы ничего не сделаем, погибнут все — и те, кто в линзах, и те, кто снаружи. Эти дети — не жертва. Они — спасение. Для себя, для своих родителей, для всего мира.

В кабинете повисла тишина. Где-то в глубине базы мерно гудел генератор. Артём смотрел на карту аномалии, на пульсирующее сердце Иерихона, и перед его глазами снова вставали лица колонистов. Просветлённые, спокойные лица людей, нашедших свой рай в безмолвии замедленного времени. И лицо Сергея, искажённое яростью, когда он говорил о возвращении в «ад».

— Мне нужны гарантии, — произнёс наконец Артём. — Что ребёнка не будут мучить. Что его родителям дадут право выбора. Что после закрытия первичной аномалии им позволят жить нормальной жизнью.

— Гарантии? — Левин горько усмехнулся. — Какие гарантии вы хотите в мире, где время течёт сквозь пальцы, как вода? Я могу дать только слово. Слово учёного, который посвятил жизнь изучению этого бедствия. Мы сделаем всё возможное, чтобы минимизировать страдания.

— Мне нужно время подумать, — Артём шагнул к двери.

— У вас нет времени, — бросил в спину Левин. — Аномалия Четырнадцать-Бис расширяется. Через сорок восемь часов она достигнет критического порога. Тогда даже я не смогу гарантировать, что эвакуация вообще будет возможна. И ещё кое-что... — он замаялся. — Ваша жена. Вы ведь до сих пор её ищете?

Артём замер, не оборачиваясь.

— Что вам известно о моей жене?

— То же, что и вам. Она пропала два года назад в аномалии класса «мираж». Такие линзы нестабильны, они мигрируют. Но компьютерное моделирование показывает, что все мигрирующие линзы в этом секторе подпитываются от одной и той же первичной аномалии. Если мы закроем разрыв, мы сможем отследить все вторичные карманы и эвакуировать застрявших. Включая вашу жену.

Артём медленно повернулся. Левин смотрел на него без тени торжества — только усталость и странное, почти отеческое сочувствие.

— Вы манипулируете мной, доктор.

— Да, — просто согласился Левин. — Но это не делает мои слова ложью. Закрыв разрыв, вы получите шанс вернуть жену. Оставив всё как есть, вы потеряете и её, и дочь, и весь этот мир. Выбор за вами, Артём Викторович. Но прошу вас — решайте быстрее. Часы тикают. В прямом смысле этого слова.

Дом встретил Артёма запахом подгоревшей яичницы. Алиса стояла у плиты, мрачно разглядывая почерневшую сковороду, и даже не обернулась на звук открывающейся двери. Её светлые волосы, унаследованные от матери, были собраны в небрежный пучок, а на плечах болталась старая, великоватая ей футболка с эмблемой какого-то древнего рок-фестиваля.

— Пригорело? — спросил Артём, снимая куртку.

— Время скачет, — буркнула она, выключая плиту. — Поставила таймер на три минуты, а оно пролетело за секунду. Или наоборот, за десять. Не пойму. Всё плывёт.

Она наконец повернулась, и Артём увидел её лицо. Бледное, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами. Алиса не спала. И, судя по всему, не спала уже давно.

— Ты как? — он шагнул к ней, но она отступила, выставив перед собой ладонь.

— Нормально. Что ты хотел? Обычно ты не возвращаешься среди дня.

Артём замаялся. Он и сам не знал, зачем приехал. Наверное, хотел увидеть дочь перед тем, как принять решение. А может, просто тянул время, избегая неизбежного возвращения в линзу.

— Разговор есть, — сказал он, присаживаясь на табурет. — Серьёзный.

Алиса насторожилась. Она выключила воду, которую пустила было в раковину, и села напротив, скрестив руки на груди. Совсем как мать. Тот же жест, та же линия скул, тот же упрямый подбородок. Артём почувствовал укол в сердце.

— Ты ведь знаешь, чем я занимаюсь, — начал он. — Я спасаю людей из линз.

— Знаю, — кивнула она. — Ты герой.

В её голосе не было ни восхищения, ни гордости. Только констатация факта. Или, может быть, обвинение.

— Вчера я нашёл необычную линзу, — продолжил Артём. — В ней живут люди. Много людей. Они создали там свой мир. Со своими законами, со своей верой. У них есть дети, рождённые внутри аномалии.

Алиса слушала молча, но в её глазах что-то мелькнуло. Интерес? Понимание?

— И теперь моё начальство хочет, чтобы я пошёл туда снова, — Артём смотрел на свои руки. — Чтобы я забрал одного из этих детей. Потому что он якобы может помочь остановить Хроноколлпс.

— И ты пойдёшь? — тихо спросила Алиса.

— Я ещё не решил.

— А что будет с теми людьми? С их миром?

— Если первичную аномалию закроют, все линзы начнут схлопываться. Их мир исчезнет.

Алиса встала и подошла к окну. За грязным стеклом клубился серый туман — очередной выверт погоды, ставшей такой же нестабильной, как время. Где-то вдалеке, над центром города, небо озарялось бледными сполохами темпоральных разрядов.

— Ты когда-нибудь задумывался, — медленно произнесла она, не оборачиваясь, — что было бы, если бы мама не попала в линзу? Если бы она была здесь?

— Каждый день задумываюсь, — признался Артём.

— Нет. Ты думаешь о том, как её вернуть. А я думаю о том, почему она ушла.

— Она не уходила. Это был несчастный случай.

— Ты уверен? — Алиса повернулась, и в её глазах стояли слёзы. — Ты знаешь, что она делала в том районе за минуту до исчезновения? Я знаю. Я видела её телефон. Она переписывалась с кем-то из Института Хронологии. Она искала способ войти в линзу. Добровольно.

Артём почувствовал, как леденеют пальцы.

— Ты врёшь.

— Зачем мне врать? — Алиса усмехнулась, смахивая слезу. — Мама устала. Устала от этого бешеного мира, от гонки, от новостей про Коллпс. Она говорила, что время — это болезнь. Что мы все больны скоростью. Она хотела найти покой. И она его нашла. В линзе.

— Это невозможно, — Артём сжал виски. — Она не могла так поступить. У неё была ты. Был я.

— Был ты, — повторила Алиса. — Ты, который всё время проводил на базе. Ты, который спасал чужих людей, пока твоя собственная семья разваливалась. Ты думаешь, мама ушла только от мира? Она ушла и от тебя тоже.

Тишина, повисшая в кухне, была тяжелее, чем темпоральное поле в эпицентре аномалии. Артём смотрел на дочь и не узнавал её. Когда она успела стать такой взрослой? Такой жёсткой? Такой безжалостной в своей правоте?

— Почему ты не сказала мне раньше? — выдавил он.

— Потому что боялась, что ты сорвёшься. Уйдёшь в линзу за ней и не вернёшься. А так у меня хотя бы оставался отец. Пусть и призрачный.

Артём закрыл лицо ладонями. Перед глазами поплыли цветные пятна. Жена, смеющаяся на пляже. Жена, читающая книгу в кресле. Жена, целующая Алису перед школой. И жена, добровольно шагающая в сердце темпоральной аномалии, чтобы навсегда исчезнуть из этого мира. Которая из этих картин была настоящей? Может быть, все. А может быть, ни одна.

— Зачем ты мне это говоришь сейчас? — спросил он глухо.

— Затем, чтобы ты понял, — Алиса подошла и положила руку ему на плечо. — Эти люди в Иерихоне. Они ведь не враги. Они такие же, как мама. Они нашли убежище от хаоса. Может быть, не надо их спасать? Может быть, им там лучше?

— Их мир исчезнет в любом случае, — Артём поднял голову. — Если мы не закроем первичную аномалию, погибнут все. И они тоже.

— А если закроете — погибнут только они?

— Нет. Учёные говорят, что линзы будут схлопываться медленно. Можно будет эвакуировать почти всех.

— «Почти», — повторила Алиса. — Какое удобное слово.

Она убрала руку и отошла к двери.

— Ты уже решил, — сказала она тихо. — Ты пойдёшь туда и сделаешь то, что они говорят. Потому что ты — солдат. Потому что приказ. Потому что так правильно. Да?

Артём молчал. Она была права. Решение уже созрело в нём, пока он ехал домой. Пока слушал Левина. Пока смотрел в усталые глаза Дронова.

— Я должен, — сказал он наконец. — Ради тебя. Ради всех.

— Ради меня? — Алиса горько рассмеялась. — Ты даже не знаешь, что для меня лучше.

Она вышла из кухни, хлопнув дверью своей комнаты. Звук ударил по натянутым нервам, и Артём вздрогнул. В настенных часах что-то щёлкнуло, и стрелка секундомера закрутилась в обратную сторону. Ещё один признак прогрессирующего Коллапса. Время вытекало сквозь трещины реальности, как вода из пробитого аквариума.

Он посидел ещё немного, глядя на остывшую яичницу, а затем достал телефон и набрал номер базы.

— Ксения? Это Лощман. Я согласен на операцию. Готовьте снаряжение для глубокого погружения. И свяжись с Левином. Пусть объяснит, как именно я должен найти этого ребёнка.

База встретила Артёма лихорадочной суетой. Коридоры гудели от топота ног, в операторской надрывно пищали датчики, а на главном экране пульсировала трёхмерная модель Аномалии Четырнадцать-Бис, переливающаяся тревожными оттенками красного и оранжевого. Линза продолжала расти. Она уже поглотила два соседних квартала и подбиралась к старой станции метро, уходя корнями глубоко в подземные коммуникации.

Ксения встретила его в шлюзовом отсеке, где техники готовили скафандр к новому погружению. Девушка выглядела измученной — она явно не спала с момента его ухода. В руках она держала планшет, на котором бежали строки технических спецификаций.

— Обновлённые данные, — произнесла она, протягивая планшет Артёму. — Доктор Левин прислал расчёты. Ребёнок, который нам нужен, должен быть первенцем, рождённым в ядре линзы. У него будет особый темпоральный след — двойная синусоида на частоте ноль-восемь. Скафандр настроен на поиск этого сигнала.

— Первенец, — повторил Артём, вчитываясь в данные. — И сколько ему лет?

— По нашим оценкам — около шестидесяти субъективных лет. Физиологически — примерно двенадцать-тринадцать. В линзе с градиентом тысяча к одному старение замедляется, но не останавливается полностью.

— Шестьдесят лет, — Артём покачал головой. — Это не ребёнок. Это старик в теле подростка.

— Именно поэтому он — ключ, — Ксения пожала плечами. — Шестьдесят лет, прожитые внутри аномалии, сделали его темпоральное поле идеально стабильным. Он — живой якорь, который держит линзу от коллапса. Если мы заберём его, аномалия начнёт схлопываться.

— И сколько времени будет у остальных на эвакуацию?

— По расчётам Левина — около сорока минут объективного времени. Для них, внутри, это будет около трёх недель. Достаточно, чтобы подготовиться.

— Если они захотят эвакуироваться.

Ксения ничего не ответила. Она знала, что шансы на добровольную эвакуацию близки к нулю. Колонисты Иерихона не считали себя заложниками. Они считали себя свободными людьми, создавшими утопию в мире вечного покоя. И они будут защищать эту утопию до последнего.

Техники закончили настройку скафандра и отступили, приглашая Артёма облачаться. Он скинул куртку, оставшись в термобелье, и шагнул в распахнутую оболочку хроно-доспеха.

Сервоприводы зажужжали, подгоняя сегменты брони по фигуре. Холодок датчиков коснулся позвоночника, на визоре зажглись строки телеметрии.

— Связь будет работать с задержкой, — предупредила Ксения. — Линза расширилась настолько, что сигнал придётся ретранслировать через три буферные станции. Каждое твоё слово будет идти до нас около минуты.

— Принял.

— И ещё... — она замялась. — Артём, будь осторожен. Дронов приказал готовить группу быстрого реагирования. Если ты не выйдешь на связь через шесть часов, они пойдут следом с полным боевым арсеналом.

— Шесть часов, — усмехнулся Артём, проверяя герметизацию шлема. — Внутри это будет почти год. Если я задержусь, они встретят уже не колонию, а целую империю.

Шлюзовая камера встретила его знакомым гулом нагнетаемого воздуха. Защитное поле замерцало, отсекая реальность базы. Артём сделал шаг вперёд, и мир вокруг него начал замедляться.

Граница линзы встретила его плотной стеной дождя. Но теперь этот дождь был другим. Капли не висели неподвижно — они медленно, очень медленно ползли вниз, как густой сироп, стекающий по стеклу. Градиент изменился. Линза стала глубже. Тысяча двести к одному, подсказал скафандр.

Артём двинулся по знакомому маршруту — через застывшие автомобили, мимо вывески аптеки «Вита». Но аптека изменилась. Стеклопакеты были заварены изнутри металлическими листами, а на фасаде красовалась надпись, выведенная чем-то белым, похожим на мел: «Здесь был храм. Мы ушли глубже».

Они покинули это место. Ушли в подземные коммуникации, как и предполагала Ксения. Артём сверился с картой. Ближайший вход в метро находился в трёхстах метрах к востоку. Он двинулся туда, оглядывая остовы машин и обломки рекламных щитов.

Улица была пуста, но скафандр фиксировал множественные темпоральные сигналы на периферии. За ним наблюдали. Колонисты знали, что он вернулся.

Вход в метро зиял чёрным провалом. Ступени уходили вниз, в темноту, и оттуда тянуло холодом и чем-то ещё — слабым, едва уловимым запахом озона. Так пахло концентрированное время. Артём включил инфракрасный обзор и начал спуск.

На платформе его ждали.

Их было пятеро. Те же грубые одежды, те же спокойные лица. Но теперь в руках у них были не ритуальные кинжалы. Двое держали устройства, отдалённо напоминающие арбалеты, только вместо болтов в них были вставлены какие-то светящиеся кристаллы. Остальные стояли с пустыми руками, скрестив их на груди.

— Мы знали, что ты вернёшься, — произнёс один из них, высокий мужчина с седой бородой. — Отец Сергей предупредил нас. Ты пришёл за Дитём Вечности.

— Мне нужно поговорить с Сергеем, — Артём остановился на расстоянии десяти метров, держа руки на виду. — Это важно. Речь идёт о выживании всех — и вас, и нас.

— Выживание, — седобородый усмехнулся. — Ты всё ещё цепляешься за этот термин. Для вас выживание — это бег. Бег от секунды к секунде. А мы научились стоять. Мы научились быть. Нам не нужно ваше «выживание».

— Послушайте, — Артём старался говорить спокойно. — Линза, в которой вы живёте, нестабильна. Она расширяется. Через двое суток она достигнет критического порога. Если ничего не сделать, она схлопнется, и вы все погибнете. Не замедлитесь — просто исчезнете.

— Отец Сергей говорил иначе, — вставил один из арбалетчиков, молодой парень с горящими глазами. — Он говорил, что Великое Замедление поглотит весь мир и наступит Царство Вечности. А вы, внешние, исчезнете, как дурной сон.

Артём понял — переубеждать этих людей словами бесполезно. Они жили в другом информационном поле, в другой системе координат. Сергей создал для них не просто колонию — он создал религию. И они были её апостолами.

— Я хочу видеть Сергея, — повторил он. — Если он ваш лидер, пусть он решит, что со мной делать. Или вы боитесь, что я скажу ему правду?

Седобородый колебался. Затем медленно кивнул.

— Иди за нами. Но без фокусов. Если попытаешься применить оружие — Дети Вечности разорвут твоё время на лоскуты.

Они двинулись в тоннель. Вглубь, в самое сердце Иерихона.

Подземный город колонистов поражал воображение. То, что начиналось как станция метро, превратилось в многоуровневое поселение с жилыми отсеками, гидропонными фермами и даже чем-то вроде рыночной площади. Повсюду горели те же странные биолюминесцентные светильники, которые Артём видел в аптеке. Они излучали мягкий, успокаивающий свет, под который хотелось замедлиться, остановиться, замереть.

На стенах тоннеля были высечены барельефы. Спирали времени, люди, стоящие в кругу, дети, тянущие руки к свету. Это была уже не примитивная наскальная живопись — это было искусство. Высокое, сложное, наполненное смыслом. За шестьдесят лет субъективного времени колонисты не просто выжили — они создали культуру.

Их провожали взглядами. Десятки, может быть, сотни людей выходили из своих жилищ, чтобы посмотреть на чужака. Среди них действительно были дети — разных возрастов, от младенцев на руках матерей до подростков с серьёзными, взрослыми глазами. Артём чувствовал, как скафандр фиксирует десятки темпоральных сигналов, и каждый из них был уникален. Дети, рождённые в линзе, действительно обладали особыми полями. Они были другими. Они были детьми нового времени — в самом прямом смысле.

Центральный зал Иерихона располагался в бывшем машинном отделении метро. Огромное помещение с высоким сводчатым потолком было переоборудовано в нечто среднее между тронным залом и храмом. В центре, на возвышении из старых шпал, стоял трон, собранный из металлических конструкций и украшенный светящимися кристаллами. А на троне сидел Сергей.

Он изменился. За те часы, что прошли снаружи, здесь миновали недели. Сергей похудел, черты его лица заострились, а в волосах прибавилось седины. Но глаза — глаза остались теми же. Спокойными, пронизательными, чуть насмешливыми.

— Артём, — произнёс он, и его голос разнёсся под сводами зала. — Я ждал тебя. Точнее, мы ждали. Входи, будь гостем.

— Я не гость, — Артём остановился в центре зала, не доходя до трона. — Я парламентёр.

— Парламентёр? — Сергей усмехнулся. — С чем же ты пришёл, парламентёр из Мира-Вспышки?

— Я пришёл предупредить, — Артём повысил голос, чтобы его слышали все собравшиеся в зале колонисты. — Ваша линза умирает. Она расширяется слишком быстро. Через двое суток внешнего времени она достигнет критической массы и схлопнется. Все, кто находится внутри, погибнут. Это не пророчество, не угроза — это физика.

По толпе пробежал ропот. Кто-то крикнул: «Ложь!», кто-то — «Он хочет нас запугать!». Сергей поднял руку, призывая к тишине.

— Допустим, ты говоришь правду, — произнёс он. — Что ты предлагаешь?

— Эвакуацию, — Артём обвёл взглядом собравшихся. — Всех. Постепенно, группа за группой. Снаружи вас встретят врачи, помогут адаптироваться. У вас будет время.

— Адаптироваться, — Сергей покачал головой. — Ты всё ещё не понимаешь. Мы не хотим адаптироваться к вашему миру. Мы ушли из него сознательно. Каждый из нас — доб-

роволец. Да, добровolec! Мы искали способ попасть в линзу. Мы искали убежище от вашей гонки. И мы его нашли. А теперь ты приходишь и говоришь, что мы должны вернуться?

— У вас нет выбора!

— Выбор есть всегда, — Сергей поднялся с трона. — Мы можем уйти глубже. В такие слои замедления, куда ваша техника не доберётся. Мы можем стать частью самого Времени. Мы уже научились управлять им. Дай нам ещё немного — и мы создадим стабильный карман, который будет существовать вечно.

— Вечно? — Артём горько усмехнулся. — Ничто не вечно, Сергей. Особенно в этом мире. Ваша линза — не рай, а бомба замедленного действия. Она убьёт вас и, возможно, ускорит Коллапс снаружи.

— Тогда почему ты здесь? — Сергей шагнул вперёд, и его глаза блеснули. — Почему ты не прислал армию? Почему не разбомбил нас снаружи? Что тебе нужно на самом деле?

Артём понял, что момент настал. Он глубоко вздохнул и сказал прямо:

— Мне нужен ребёнок. Первенец, рождённый в ядре линзы. Тот, кого вы называете Дитятей Вечности. Только он может помочь остановить Хроноколлапс и спасти оба наших мира.

Тишина, воцарившаяся в зале, была абсолютной. Даже биолюминесцентные лампы, казалось, потускнели. Сергей смотрел на Артёма, и в его взгляде медленно проступало понимание — и ужас.

— Ты хочешь забрать моего сына, — произнёс он одними губами.

— Вашего сына? — Артём похолодел.

— Да, — Сергей выпрямился, и его лицо превратилось в маску ледяной ярости. — Первенец Иерихона — мой сын. Михаил. Тот, кто родился здесь, в сердце Великого Замедления. Тот, кого пророчество называет Спасителем. И ты хочешь забрать его в свой проклятый мир, чтобы использовать как инструмент?

— Это не инструмент, — начал Артём, но Сергей перебил его взмахом руки.

— Молчи! — его голос прогремел под сводами. — Ты пришёл сюда как вор. Как убийца. Ты хочешь уничтожить всё, что мы построили!

— Я хочу спасти вас!

— Ты хочешь спасти себя! — Сергей указал на него пальцем. — Твой мир умирает, и вы, внешние, готовы на всё, чтобы отсрочить конец. Даже украсть ребёнка. Даже разрушить чужой дом. Но я не отдам тебе Михаила. И никто из нас не уйдёт с тобой. Мы будем защищать Иерихон до последнего вздоха. До последней секунды — самой долгой секунды, которую ты когда-либо видел!

Толпа взревела. Люди хватались за оружие — примитивное, но в условиях линзы смертельно опасное. Артём понял, что переговоры провалились. Он активировал защитное поле на максимум и начал отступать к выходу.

— Ты не уйдёшь, — произнёс Сергей. — Ты останешься здесь. Навсегда. Станешь частью нашей линзы.

Он взмахнул рукой, и время вокруг Артёма начало сжиматься.

Скафандр взвыл всеми сиренами. Градиент поля скакнул до десяти тысяч, до ста тысяч. Воздух стал твёрдым, как гранит. Артём попытался сделать шаг и понял, что не может пошевелиться. Его защитное поле, рассчитанное на стандартные перегрузки, трещало по швам.

— Ты думал, что твоя техника защитит тебя? — голос Сергея звучал теперь медленно, растянуто, как пластинка на слишком низких оборотах. — Мы изучали вашу технику. Мы знаем её пределы. А наши пределы — только наше воображение.

Артём видел, как колонисты окружают его. Их движения были медленными, но осмысленными. Они привыкли к вязкости сверхвысокого замедления. Они жили в ней. А он — нет. Его тело, несмотря на все тренировки, начинало сдавать. Сердце билось с перебоями. Перед глазами плыли тёмные круги.

Он собрал остатки сил и активировал аварийный протокол «Рывок». Скафандр выбросил мощный импульс антитемпорального поля, на долю секунды нейтрализуя воздействие линзы. Этого хватило на один шаг. Один отчаянный рывок к выходу.

Колонисты бросились наперерез. Седобородый вскинул свой арбалет, и светящийся кристалл сорвался с направляющей. Снаряд летел медленно, но Артём знал — если он достигнет цели, защитное поле не выдержит. Кристалл был сгустком чистого искажённого времени, он мог разорвать любую материю.

Он уклонился. Рывок в сторону, ещё один — и снаряд пролетел мимо, врезавшись в стену тоннеля. Там, где он попал, камень мгновенно покрылся трещинами и рассыпался в пыль. Десятилетия эрозии в одну секунду.

Артём бежал. Тоннель, платформа, ступени. Сзади слышались крики преследователей. Они не хотели его убить — они хотели оставить его здесь, сделать частью своего мира. Но для Артёма это было хуже смерти.

Он вырвался на поверхность. Серый свет застывшего дня ударил по глазам. До шлюза оставалось триста метров. Он побежал, преодолевая сопротивление вязкого воздуха. Каждый шаг давался с трудом, лёгкие горели, скафандр трещал от перегрузок.

Позади, из входа в метро, выходили колонисты. Их было много. Они не бежали — они шли, уверенные в своей правоте. И во главе их шёл Сергей.

Артём добрался до шлюза и активировал входной протокол. Защитное поле вспыхнуло, отсекая его от линзы. Последнее, что он увидел перед тем, как створки сомкнулись, — лицо Сергея. Его губы шевелились, и Артём прочитал по ним слова:

«Ты ещё вернёшься. И тогда мы будем готовы».

Шлюз загудел, выравнивая давление. Артём обессиленно прислонился к стенке. Его трясло. Операция провалилась. Они не просто отказались от эвакуации — они объявили войну.

Когда внешняя дверь открылась, его встретила Ксения. Она смотрела на него с ужасом.

— Ты цел? Что случилось?

— Они знали, — прохрипел Артём. — Они готовились. У них оружие. У них план. Они не отдадут ребёнка.

— И что теперь?

— Теперь... — он снял шлем и вытер пот со лба. — Теперь будет штурм.

Он прошёл в операторскую. Дронов и Левин уже ждали его.

— Докладывайте, — потребовал полковник.

Артём коротко обрисовал ситуацию. Левин слушал молча, и его лицо становилось всё мрачнее.

— Всё хуже, чем я думал, — произнёс он, когда Артём закончил. — Они не просто живут в линзе. Они научились манипулировать её полем. Если так пойдёт дальше, они могут превратить Иерихон в неприступную крепость. И тогда мы не сможем достать ребёнка.

— Но сможем уничтожить линзу? — спросил Дронов.

— Можем, — нехотя признал Левин. — Но без ребёнка это будет означать гибель всех внутри. И, возможно, мы потеряем единственный шанс остановить Коллапс.

— Значит, штурм, — Дронов стукнул кулаком по столу. — Готовьте группу захвата. Полное боевое снаряжение. Цель — обнаружение и эвакуация объекта «Ключ». Остальные — по обстановке.

Артём слушал их и чувствовал, как внутри растёт пустота. Он думал о Сергее, который защищал своего сына. О колонистах, которые построили свой мир. О детях, которые не знали другого неба. И о своей дочери, которая сказала ему утром: «Ты даже не знаешь, что для меня лучше».

Может быть, она была права. Может быть, он действительно не знал.

Но выбора не было. Часы тикали. И каждая секунда приближала мир к краю пропасти.

Глава 3: Спящий город

Ночь перед штурмом тянулась бесконечно. Артём лежал на узкой койке в казарме временного размещения, глядя в серый потолок, и слушал, как где-то в недрах базы гудит генератор темпоральной защиты. Гул был неровным, с перебоями — ещё одно напоминание о том, что Коллапс подбирается всё ближе. Даже техника, созданная для борьбы с аномалиями, начинала сдавать под натиском искажённого времени.

Сна не было. Каждый раз, закрывая глаза, Артём видел одно и то же: лицо Сергея, искажённое яростью и болью, когда он услышал о цели миссии. «Ты хочешь забрать моего сына». Эта фраза звенела в ушах, накладываясь на другие голоса — голос доктора Левина, говорившего о «живом ключе», голос полковника Дронова, отдающего приказ о штурме, голос Алисы, бросившей горькое «ты даже не знаешь, что для меня лучше».

Он сел на койке, свесив ноги на холодный бетонный пол. Часы на стене показывали четыре утра, но стрелки вели себя странно — секундная дрожала на месте, минутная подрагивала, словно раздумывая, идти ли ей вперёд или назад. Ещё один локальный сбой. Артём привычно проигнорировал это. В мире, где время стало ненадёжным союзником, оставалось полагаться только на внутренние ощущения.

Одевшись, он вышел в коридор. База не спала — в операторской горел свет, слышались приглушённые голоса техников. Штурмовая группа, прибывшая вечером из Центра, расположилась в западном крыле. Артём видел их мельком: шестеро бойцов в новейших хроно-доспехах «Барьер-7», с герметичными шлемами, за которыми не разглядеть лиц. Они двигались слаженно, чётко, как хорошо отлаженный механизм. Профессионалы. Но что они знали о линзах? Что они знали о людях, живущих внутри?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.